

Ситникова Елена Владимировна

ИЗМЕНЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ

Одним из проявлений антропоцентрического подхода к изучению языка стало рассмотрение его как факта культуры. В данной статье представлено исследование изменений внутреннего лексикона представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения, которые были выявлены в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента. В качестве стимулов, предложенных информантам в ходе эксперимента, были выбраны три группы языковых маркеров национально-культурного сознания, выделенных И. В. Приваловой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 186-191. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

индейской душой и, насколько я знаю, целые доклады о неизбежности возврата старых богов (*после того, как сбросят водородную бомбу*), об умерщвлении смерти (*выразился буквально так!*) благодаря пенициллину, об отходе души из всех цивилизованных областей земли, о душе маки и тому подобное».

Проведенный анализ парентетических внесений в исследованных произведениях позволяет сделать вывод о том, что доминирующей функцией является функция сообщения. Менее частотными являются эмоционально-оценочная функция и функция воздействия отправителя информации на получателя информации. Описательная и актуализирующая функции парентетических внесений выполняются довольно редко. Что касается функции «интертекст», то все парентетические внесения в исследованных произведениях выполняют эту функцию.

Список литературы

1. **Биренбаум Я. Г.** Сложноподчиненное предложение в современном английском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 1980. 47 с.
2. **Козырева Е. Н.** Когнитивные функции парентезы как отражение творческой индивидуальности писателя: дисс. ... канд. филол. наук. Тула, 2003. 168 с.
3. **Кострова О. А.** Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. 239 с.
4. **Frisch M.** Gesammelte Werke in zeitlicher Folge. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1998. Band II. 789 S.
5. **Frisch M.** Homo Faber. Ein Bericht. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, st. 354, 1977. 208 S.
6. **Süskind P.** Die Taube. Diogenes Verlag AG Zürich, 1990. 112 S.

FUNCTIONAL FEATURES OF PARENTHESIS IN WORKS OF M. FRISCH AND P. SUSKIND

Simutova Ol'ga Petrovna, Ph. D. in Philology
Orenburg State University
simutova-o@rambler.ru

The author researches and analyzes the functional features of parenthesis by the material of German fiction –Homo Faber”, –Tagebuch 1946-1949” by M. Frisch and «Die Taube» by P. Suskind, presents the results of parenthesis functioning analysis, and explains the reasons of the frequency of these stylistic devices use in these works.

Key words and phrases: parenthesis; expressivity; function; intertextual; preposition; interposition.

УДК 811.161.1

Филологические науки

Одним из проявлений антропоцентрического подхода к изучению языка стало рассмотрение его как факта культуры. В данной статье представлено исследование изменений внутреннего лексикона представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения, которые были выявлены в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента. В качестве стимулов, предложенных информантам в ходе эксперимента, были выбраны три группы языковых маркеров национально-культурного сознания, выделенных И. В. Приваловой.

Ключевые слова и фразы: внутренний лексикон человека; свободный ассоциативный эксперимент; языковые маркеры национально-культурного сознания лингвоструктурного типа; языковые маркеры национально-культурного сознания лингвокультурного типа; языковые маркеры национально-культурного сознания лингвоэкологического типа.

Ситникова Елена Владимировна, к. филол. н., доцент
Институт филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко, Украина
AlyonaSitnikova@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ[©]

Антропоцентрический характер лингвистики XX в. предполагает рассмотрение всех явлений и процессов, происходящих в языке, в неразрывной связи с феноменом человека. Внимание большинства современных ученых сконцентрировано не столько на самом языке, сколько на его коммуникативных характеристиках, социальных функциях и на проявлении в нем индивидуальных, национально-культурных и общечеловеческих свойств говорящего.

Одним из направлений современной науки о языке становится изучение его как средства накопления и хранения культурно значимой информации. Язык рассматривается как факт культуры, поскольку «1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель» [1, с. 131].

Культура формирует определенные представления об окружающем мире, о взаимосвязях между предметами и понятиями, о закономерностях развития человеческого общества. Все эти представления в самых разнообразных формах фиксируются в языке как национальном достоянии народа и проявляются в речи каждого его представителя. Поэтому актуальным представляется исследование внутреннего лексикона человека как носителя определенной этнолингвокультуры.

Длительное пребывание в условиях гетерогенного языкового окружения не может не вызвать изменений в составе и содержании единиц языковой памяти личности. Поскольку культурный компонент семантики языкового знака чаще всего имеет скрытый характер, его исследование становится возможным с помощью применения методики свободного ассоциативного эксперимента.

Данная методика была применена для выявления изменений внутреннего лексикона носителей русско-го национально-культурного сознания под влиянием иноязычной среды. Свободный ассоциативный эксперимент проводился среди представителей русской этнолингвокультуры, проживающих на территории этнической родины, а также в Украине, США, в странах Европейского союза (Греция, Кипр, Италия, Нидерланды, Германия) и Азии (Индия, Израиль). За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы языковых маркеров национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), выделенных И. В. Приваловой [2].

Структура и способы организации языка во многом обусловлены особенностями отражения объективной действительности в сознании его носителей. Выделение ЯМНКС лингвоструктурного типа как национально-культурных особенностей внутреннего лексикона представителей определенного этноязыкового сообщества позволяет подойти к раскрытию этнокультурной специфики отдельной языковой системы. Вербализация содержания данных ЯМНКС может свидетельствовать об изменениях знаний и представлений, связанных с восприятием и выражением специфических лексико-грамматических категорий русского языка и произошедших под влиянием иноязычного этнокультурного пространства.

В восприятии ЯМНКС данной группы представителями русской этнолингвокультуры были зафиксированы изменения, обусловленные влиянием гетерогенного языкового окружения. Так, стимул *сидеть* вызвал англоязычную реакцию *stand up!*, в переводе на русский язык означающую *встать!*, *вставай(те)!* и вступающую в антонимические отношения со стимулом. В ассоциативной паре *болеть – Комаровский* стимул был воспринят в значении *страдать болезнью, быть больным* и вызвал реакцию, которая является фамилией украинского педиатра, автора многочисленных научных трудов, научно-популярных статей и книг, а также ведущего популярной в Украине телепередачи, посвященной вопросам здоровья детей. На стимул *знобить* были получены реакции, не имеющие семантической связи с данным глаголом и свидетельствующие об изменении его лексического содержания в сознании испытуемых: *жадничать, доставать, надоедать, злить, упертость*. Некоторые из перечисленных реакций можно объяснить синонимической связью со словом *знобить*, которое является созвучным стимулу и, очевидно, отождествляется с ним в сознании информантов.

ЯМНКС лингвокультурного типа представляют собой комплексы языковых средств, в содержание которых входят сведения экстралингвистического характера, обычно не зафиксированные в толковых и переводных словарях и доступные только носителям определенной этнолингвокультуры.

В группе ЯМНКС данного типа, включающей *средства речевого контакта и языковые формулы*, чаще всего встречаются иноязычные реакции, значительная часть которых представлена в виде непосредственного перевода слова-стимула: *здравствуйте!* – *hello!* (англ.), *добро пожаловать!* – *welcome* (англ.). Часто подобные реакции представлены в виде иноязычных слов, транслитерированных буквами русского алфавита: *до скорого!* – *бай-бай!* (англ. *bye-bye!*), *пока!* – *чао!* (итал. *ciao!*), *привет – бонжур!* (франц. *bonjour!*). В ассоциативной паре *на здоровье!* – *лехаим!* реакция представлена в виде транслитерированного выражения на иврите, в переводе означающего *за жизнь!* и являющегося традиционным в еврейской культуре тостом. Данную реакцию нельзя назвать переводом стимула, однако можно объяснить восприятием выражения *на здоровье!* как национального русского тоста и отнесением его, как и выражения *лехаим!*, к речевым формулам, употребляющимся в похожих ситуациях.

Характерной особенностью данной группы является и то, что многие информанты на стимулы, представленные речевыми формулами прощания, дали реакции, связанные с ситуацией отъезда. Так, стимул *до скорого!* вызвал реакции *платформа, дорога, поезд, вокзал, отъезд*; на стимул *всего хорошего!* были даны реакции *поезд, платформа, отъезд, счастливого пути!, в добрый путь!* Вероятно, появление подобных реакций является отражением перемены жизненных условий информантов, связанной с их выездом за пределы России и с последующими неоднократными зарубежными поездками.

Некоторые реакции на стимулы данной группы подчеркивают принадлежность отдельных ЯМНКС к русской лингвокультуре: *с легким паром!* – *русский мужик; молодец!* – *Россия, здравствуйте!* – *новости России*. Содержание некоторых реакций связано с периодом существования СССР: *с легким паром!* –

Советский Союз, спокойной ночи! – СССР, так держать! – советские времена. Подобные реакции позволяют предположить, что информанты, проживающие в условиях иноязычной среды, характеризуют данные ЯМНКС как проявления русской культуры, присутствовавшие в их жизни до выезда за рубеж и сознательно отделяемые от того лингвокультурного пространства, в котором они находятся в настоящее время.

Содержание отдельных ЯМНКС изменилось вследствие включения в него реалий действительности, окружающей информантов, находящихся за пределами России. Так, в ассоциативных парах *на здоровье!* – *пожелание в Греции, на здоровье!* – *желать при приобретении* отражена распространенность в Греции языковой формулы, являющейся аналогом русского пожелания и употребляемой при покупке какого-либо товара. Реакция *митинг*, полученная на стимул *увидимся!*, в современном русском языке имеет значение *массовое собрание граждан с целью публично выразить отношение к действиям лиц и организаций, событиям общественно-политической жизни*. Ее появление можно объяснить происхождением английского слова *meeting* *встреча* от глагола *to meet* *встречаться* и, очевидно, воспринимаемом информантом в первоначальном значении, то есть как встреча двух людей, без дополнительных оттенков значения, касающихся массовости и общественно-политического содержания.

Некоторые изменения произошли и в содержании отдельных *колорем*. Например, стимул *русый*, который в русском языке употребляется только применительно к цвету волос человека, вызвал реакцию *конь*, выходящую за пределы традиционного словоупотребления. В сознании информантов данная лексема приобрела дополнительные оценочные значения, о чем свидетельствуют реакции *глупец, парень-весельчак, добрый молодец*. Несвойственную для русской языковой традиции коннотацию приобрел и стимул *рыжий*, негативное отношение к которому закрепилось в русском языке, например, в ряде пословиц, дразнилок и устойчивых сочетаниях: *рыжий да красный, человек опасный; рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой; что я, рыжий?* В реакциях информантов проявляется и противоположное отношение к данному цвету: *креативный, счастливый, смешной, солнечный, теплый*.

Незначительные изменения были отмечены в содержании отдельных проксем, темпорем и нумерологем, предложенных информантам в качестве стимулов. Например, реакцией на *проксему область* стала несвойственная русской культуре лексическая единица *ном*, являющаяся названием административной единицы современной Греции. На данный стимул были также даны реакции в виде более конкретных названий единиц территориально-административного деления: *Донецкая, Запорожская, Харьковская, Львовская, Луганская*, которые являются отражением лингвокультурной среды, окружающей информантов, проживающих в Украине. В ассоциативной паре *возраст – самочувствие тела* реакция на *темпорему* является примером нарушения языковой нормы: лексема *самочувствие* по правилам лексической сочетаемости русского языка не может управлять существительным *тело*. Предложенная испытуемым в качестве стимула *нумерологема три* в большинстве случаев вызвала реакции, отражающие ее принадлежность к различным русским обрядам и произведениям устного народного творчества. Однако в ассоциативной паре *три – молодца из ларца* проявляется изменение культурного содержания данного ЯМНКС: в данном случае реакция, видимо, была вызвана русской поговоркой *двое из ларца*, которая лишь фрагментарно закреплена в сознании информанта.

В ходе анализа результатов эксперимента была выявлена высокая частотность реакций, подтверждающих принадлежность к русской этнолингвокультуре *реалий, культурных символов и этнографических номем*. Такие реакции были даны на стимулы, обозначающие блюда русской кухни: *каравай – Россия, Советский Союз, русская печь; пельмени – Сибирь, русское блюдо, Россия*; традиционные напитки: *самогон – русский мужик, Россия; водка – Россия, русские отдыхают, застолье у русских*; реалии, связанные с различными праздниками и обычаями: *частушка – Россия, русская деревня, русская песня; хоровод – Русь, русский танец, девушки в русских нарядах*; реалии сферы быта: *авоська – СССР, старые добрые времена; коммуналка – СССР, советское прошлое, Москва*; денежные единицы: *рубль – русская валюта, Россия, советское время, остался в России; копейка – СССР, Россия*; мифические и сказочные персонажи: *Баба-Яга – русский сказочный персонаж, пугающий детей русский персонаж, Россия; леший – Россия, русские сказки*; культурные символы: *береза – Россия, символ России, Родина, ностальгия, русское дерево, русский лес, край родной; матрешка – Россия, СССР, русская народная игрушка, русская визитка*. Подобные реакции у информантов, проживающих в России, представлены в значительно меньшем количестве или отсутствуют вовсе. Данный факт можно объяснить восприятием указанных предметов и явлений, прежде всего, как национальных особенностей русской культуры, не всегда доступной жителям зарубежья, связанной с их жизнью до переезда за границу и в настоящее время воспринимаемой как часть их прошлого, а потому имеющей особую значимость.

Некоторые респонденты на стимулы данной группы отреагировали словами иностранного языка, как, например, в ассоциативной паре *квас – бульбашки*. Характерным признаком кваса как напитка, в приготовлении которого используются дрожжи, является большое количество воздуха, поднимающегося со дна сосуда в виде мелких пузырьков. Очевидно, эта особенность послужила причиной появления реакции *бульбашки*, которая в переводе с украинского языка означает *„пузырьки“* и обуславливается влиянием на информанта украиноязычной среды.

Многие иноязычные реакции представляют собой обозначения реалий действительности, окружающей информантов, находящихся за пределами России. Например, в ассоциативной паре *пасха – тисанки* стимул был воспринят как название религиозного праздника, обязательным атрибутом которого в Украине является так называемая писанка – яйцо, раскрашенное орнаментальным или сюжетным узором в соответствии

с традиционными образцами с помощью воска и различных красителей. На стимул *бомж*, являющийся разговорным словом, возникшим из аббревиатуры и используемым в российской публицистике и обывденной речи, была дана реакция *leger des heils* – институция, которая дает убежище бездомным⁴, обозначающая вид благотворительных организаций в Голландии.

Более высокой степенью частотности отличаются ассоциативные пары, в которых реалии национально-культурного пространства, окружающего выехавших из России информантов, переданы словами русского языка. Так, в ассоциативных парах *пасха – баран на вертеле*, *кулич – баранина* отражена распространенная в Греции традиция готовить блюда из баранины для пасхального стола. Влияние итальянской культурной традиции отражено в ассоциативной паре *пельмени – тортелинья*, где оба члена пары обозначают вареные изделия из теста с мясной начинкой, но относятся к разным национальным кухням. Результатом влияния украинского национально-культурного пространства стала реакция *купоны* на стимул *перестройка*. Данная лексема представляет собой просторечное название денежной единицы в Украине в период с 1992 по 1996 гг. и, очевидно, была вызвана в сознании информанта как следствие перестройки – политических и экономических перемен, происходивших в СССР с 1985 по 1991 гг.

В отдельных ассоциативных парах прослеживается осознанное сопоставление предметов окружающей действительности, характерных для России и других стран, в которых проживают информанты. Например, на стимул *щи*, представляющий собой наименование национального блюда русской кухни, было дано несколько реакций, основанных на его сравнении с похожим украинским национальным блюдом: *борщ лучше*, *борщ вкуснее*, *невкусный белый борщ*, а также эмоционально окрашенная реакция *украинская кухня лучше!* Особенности национальной кухни двух народов отражены также в ассоциативной паре *пирожки – в Греции с сыром*, *в России с мясом*. Предложенное в качестве стимула название денежной единицы России *рубль* вызвало реакцию *гривня*, являющуюся наименованием украинской денежной единицы, а также реакцию *русская гривня*, представляющую собой попытку провести соответствие между названиями валюты двух государств.

Пребывание в течение длительного времени за пределами русского этнолингвокультурного пространства привело к частичной утрате культурно значимого содержания некоторых стимулов в сознании респондентов. Например, предложенное информантам в качестве стимула название периода конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. *перестройка* вызвало ряд реакций, которые показали незнание респондентами временных рамок и основных государственных деятелей данного периода: *60-е*, *Сталин* (фактический руководитель СССР с середины 20-х гг. до 1953 г.), *Хрущев* (первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 гг.), *Брежнев* (советский государственный деятель, занимавший руководящие посты с 1964 по 1982 гг.). Слово *путч*, применяемое для обозначения сравнительно недавнего общественно-политического события 1991 г., также вызвало реакции, указывающие на его неточную либо ошибочную датировку: *90-е годы*, *92-й год*, *93-й год*. Для части информантов содержание данного ЯМНКС оказалось незнакомым, о чем могут свидетельствовать неоднократные отказы от предоставления реакции и основанные на созвучии ассоциаты *пункт*, *пуни*, а также реакция *коктейль*, вызванная семантической близостью со словом *пуни*. Следует отметить, что носители русской культурной традиции, находящиеся за пределами России, на стимулы *перестройка* и *путч* дали реакции *заграница*, *отъезд*, *выезд за границу*, *эмиграция*. Таким образом, в содержании данных стимулов отражены перемены, произошедшие в жизни выехавших за границу испытуемых и связанные с событиями, обозначенными стимулами.

Реакции на некоторые стимулы показали утрату не только части их культурной семантики, но и лексического значения в сознании представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в условиях иноязычной среды. Например, на стимул *свекровь* была получена реакция *мать жены*, позволяющая сделать предположение о незнании информантом сохранившихся в России названий лиц по степени родства и кумовства. Реакцию в ассоциативной паре *матрешка – два в одном* можно расценивать как отражение представления о русской игрушке, состоящей из двух частей либо вмещающей в себя более чем одну куклу. Однако наличие подобной реакции наряду с реакциями *три в одном* и *пять в одном* приводит к выводу, что ассоциат *два в одном* свидетельствует об утрате знаний, касающихся традиционного количества матрешек в одном наборе.

Частичной утратой информантами правил отбора и использования ряда языковых единиц проявилась в ассоциативной паре *береза – ностальгия по Родине*. Слово *ностальгия* имеет значение *тоска по родине*⁵, его сочетание со словом *родина* вызывает частичное совпадение значений слов и приводит к речевой избыточности. Нарушение морфологической нормы отмечается в реакции *большой бутыл* на стимул *самогон*, в которой респондент ошибочно определяет род существительного и, как следствие, с существительным *бутыл* женского рода употребляет прилагательное *большой* мужского рода.

Пребывание информантов за пределами русского культурного пространства находит отражение и в реакциях, полученных на стимулы, относящиеся к группе *вербальных и вербализуемых прецедентных феноменов*. В данных реакциях прослеживается сознательное сопоставление реалий разных стран. Например, ассоциативная пара *кто виноват? – греческий вопрос* дает основание предположить, что представители русской этнолингвокультуры, проживающие в Греции, проводят параллель между сложившейся там общественно-политической ситуацией и вечным русским вопросом, вынесенным в XIX в. И. Герценом в название его романа и не утратившим актуальности до настоящего времени. Аналогичное объяснение имеют и реакции на стимул *мертвые души – Верховная Рада*, *пенсионеры в Греции*, *списки инвалидов в Греции*, основу которых составляют махинации с персональными данными, положенные в основу сюжета произведения Н. В. Гоголя и проецируемые респондентами на определенные социально-политические проблемы в Украине и Греции.

В процессе анализа результатов эксперимента были выявлены реакции, которые могут свидетельствовать об утрате определенной части культурно значимого содержания некоторых стимулов данной группы. Так, стимул *кто виноват?*, представляющий собой название известного романа И. Герцена, вызвал реакции из произведения Чернышевского, Чернышевский, Достоевский, Белинский, указывающие на незнание информантами автора произведения и ассоциируемые со стимулом как писатели, относящиеся к тому же периоду развития русской литературы, в котором был написан роман. Неудачными оказались и некоторые попытки информантов указать автора, жанр и героев произведения Н. Гоголя «Мертвые души», на название которого, представленное в виде стимула, были даны следующие реакции: *Булгаков, Толстой, рассказ, пьеса, кукольный спектакль, Обломов, Берлиоз*. Стимул *Обломов*, представляющий собой как название романа И. Гончарова, так и фамилию его главного героя, также вызвал у некоторых информантов затруднения в определении автора (*Достоевский, Тургенев*) и жанра данного произведения (*повесть, рассказ*).

Если говорить об исторических событиях в жизни России и связанных с ними личностях, то данный пласт знаний также претерпевает определенные изменения в сознании информантов. Например, стимул *Иван Сусанин* (крестьянин, герой освободительной борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII в.) составил ассоциативные пары с реакциями, свидетельствующими о приписывании данному человеку несвойственных ему званий и действий (*воевода, первопроходец, запутал немцев*) и об отнесении его к совершенно разным историческим периодам (*война 1812 г., Наполеон, фрицы*). Стимул *окно в Европу*, являющийся поэтическим обозначением основания Санкт-Петербурга Петром I, вызвал реакцию *тесть всей Европы* – выражение, закрепленное в истории в качестве наименования князя Ярослава Мудрого. Данную реакцию можно объяснить как формально – наличием слова *Европа* в обоих членах ассоциативной пары, так и содержательно: и стимул, и реакция имеют непосредственное отношение к крупным государственным деятелям, имевшим, однако, место в совершенно разных периодах русской истории. Затруднения также вызвали и стимулы, имеющие отношение к более поздним историческим событиям. Например, стимул, представленный в виде аббревиатуры *МММ*, не был воспринят некоторыми информантами как название крупнейшей в истории России финансовой пирамиды, функционирующей в 90-х гг. XX в., следствием чего явились реакции, вызванные попыткой дать собственную трактовку данной аббревиатуры: *мужчина моей мечты; мир, молодость, май*, а также реакция *κέζα καθήφο κερθνζάο*, что в переводе с греческого языка означает *‘средства общественного транспорта’*. Последняя реакция, совершенно не связанная с содержанием стимула, основывается на его форме и представляет собой полное название реалии, с которой у информанта ассоциируется указанная аббревиатура.

Возникновение ЯМНКС лингвоэкологического типа обуславливается переменами, происходящими в языке в результате взаимовлияния различных этнолингвокультур. Процесс восприятия и закрепления новых единиц номинации во внутреннем лексиконе человека происходит постепенно, поэтому представляется целесообразным исследовать степень усвоения данных ЯМНКС в сознании представителей русской этнолингвокультуры. Рассматриваемые в данной группе стимулы появились в русском языке в результате заимствований из иностранных языков и еще не закрепились в сознании носителей русской культурной традиции, о чем, прежде всего, свидетельствует тот факт, что в ходе проведения эксперимента они вызвали наибольшее количество отказов от предоставления реакций.

Значительное количество информантов предоставили реакции, указывающие на то, что слово воспринимается ими как новое, неизвестное или заимствованное: *консалтинг – иностранное слово; онлайн – английский термин; флешмоб – заимствованное из другого языка*.

Поскольку респонденты в процессе анкетирования не могли руководствоваться неизвестным им содержанием рассматриваемых ЯМНКС, в основу многих реакций было положено ассоциирование по принципу фонетического сходства. Его результатом стали ассоциативные пары, в которых созвучными являются либо стимул и реакция, либо стимул и промежуточный элемент ассоциативного процесса, послуживший, в свою очередь, стимулом для последующей реакции, зафиксированной респондентом. Так, основанные на созвучии реакции были даны на стимулы *флешмоб – флешка; провайдер – проводник; граффити – графин, фотография*. Промежуточный элемент ассоциативного процесса прослеживается в реакциях на стимулы *паркинг – (паркур) – акробатика, экстрим; онлайн – (лай) – конура, собака; респект – (проспект) – улица, город*.

Высокой частотностью характеризуются реакции, которые не отражают семантику стимулов данной группы и были вызваны, вероятно, попыткой информантов раскрыть содержание стимула, руководствуясь собственными знаниями и опытом. Такие реакции были получены на стимулы *опция – наука, подарок, бухгалтерия, финансовые дела, банк, версия, математика, мода; организер – лихие девяностые, визг тормозов, возбуждение организма, сухарь, рубашка; консалтинг – кредит, выгодные скидки, тупой советский чиновник*.

Несмотря на низкую степень закреплённости данных ЯМНКС в сознании носителей русской культурной традиции, многие респонденты предоставили на них реакции, которые семантически связаны со стимулами данной группы, но все же содержат несвойственные их содержанию компоненты. Данные реакции свидетельствуют о фрагментарном закреплении исследуемых стимулов во внутреннем лексиконе информантов. Например, стимул *ланч* вызвал реакции *завтрак, полдник, ужин, поздний ужин*, содержащие в себе сему *‘прием пищи’*, но ошибочно определяющие время суток, отведенное для ланча. На стимул *провайдер* была дана реакция *человек, который предоставляет услуги*, заключающая в себе один из ключевых компонентов содержания стимула – предоставление услуг, однако данный ЯМНКС используется для обозначения не отдельного человека, а организации в целом. Члены ассоциативной пары *супермаркет – бутик* имеют одну общую сему *‘магазин’*,

однако если супермаркет характеризуется большими размерами и разнообразием групп товаров, то бутик представляет собой небольшой узкоспециализированный магазин с ограниченным кругом клиентов.

Влияние иноязычного дискурса нашло отражение в ассоциативной паре *провайдер – θνζσαο*, где реакция является прямым переводом стимула на греческий язык. На стимул *ланч* была дана реакция *бранч*, произошедшая от английского слова *brunch*, которое образовано слиянием двух английских слов *breakfast* и *lunch* и употребляется в США и Европе для обозначения приема пищи, объединяющего завтрак и ланч. Стимул *онлайн* вызвал реакции *оффлайн* и *live*, которые можно объяснить не только владением информантами английским языком, но и глобальной компьютеризацией, поскольку рассматриваемые единицы используются на многих сайтах для обозначения состояния подключения какого-либо пользователя.

Наличие ассоциатов, раскрывающих семантику стимулов данной группы, говорит о полноценном восприятии и понимании данных заимствований информантами, что проявляется в следующих реакциях: *флешмоб – массовая акция, синхронные движения, запланированное действие; провайдер – поставщик интернета, проводит компьютерные сети, доступ в интернет; консалтинг – экономическая деятельность, консультирование, рекомендации.*

Таким образом, являясь культурно обусловленным феноменом, языковое сознание отражает специфику того национально-культурного пространства, в котором находятся его носители. Оказываясь в условиях гетерогенного лингвокультурного окружения, человек подвергается его непосредственному влиянию, что находит отражение в составе, содержании и ассоциативных связях единиц его внутреннего лексикона.

Выделение ЯМНКС лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов и анализ вербальной репрезентации их содержания позволили выявить изменения, которые произошли во внутреннем лексиконе носителей русской этнолингвокультуры под влиянием иноязычной среды.

В исследовании восприятия ЯМНКС лингвоструктурного типа и их вербализации были выявлены следующие виды реакций, фиксирующих изменения в знаниях и представлениях носителей русской этнолингвокультуры: иноязычные реакции; обозначения реалий, не характерных для русского этнокультурного пространства; реакции, свидетельствующие об утрате определенной части культурно значимого содержания стимулов; реакции-показатели утраты значения языковых единиц.

Анализ ассоциативного материала, полученного на стимулы-ЯМНКС лингвокультурного типа, выявил изменения их культурного содержания, которые нашли отражения в таких реакциях как: обозначения реалий, не характерных для русского этнокультурного пространства; иноязычные реакции; сопоставления реалий различных национально-культурных пространств; реакции, подчеркивающие принадлежность понятия или реалии, обозначенной стимулом, к русской этнолингвокультуре; реакции, свидетельствующие об утрате определенной части культурно значимого содержания стимулов; реакции-нарушения языковой нормы.

Показателями процесса усвоения ЯМНКС лингвоэкологического типа являются следующие виды реакций: отказ от предоставления реакции; характеристика ЯМНКС с точки зрения их места в системе языка; созвучные реакции, основанные на фонетическом сходстве стимула и ассоциата; индивидуально-ситуативные реакции, представленные словами, которые передают определенную ситуацию из личного опыта информанта, но не отражают содержания ЯМНКС; реакции-показатели изменения значения языковых единиц; иноязычные реакции; реакции, раскрывающие семантику ЯМНКС.

Список литературы

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
2. Привалова И. В. Языковое сознание этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 50 с.

CHANGES IN INTERNAL LEXICON OF RUSSIAN NATIONAL-CULTURAL CONSCIOUSNESS BEARERS" UNDER INFLUENCE OF FOREIGN LANGUAGE MEDIA

Sitnikova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institute of Philology of Kiev National University named after T. Shevchenko, Ukraine
AlyonaSitnikova@mail.ru

One of the manifestations of the anthropocentric approach to the study of language is to consider it as a fact of culture. The author presents the research of changes in the Russian ethnic linguo-culture representatives' internal lexicon in conditions of heterogeneous language environment that have been identified as a result of free-association experiment, and as stimuli offered to informants in the course of the experiment choses three groups of linguistic markers of national-cultural consciousness, revealed by I. V. Privalova.

Key words and phrases: human internal lexicon; free association experiment; linguistic markers of national-cultural consciousness of linguo-structural type; linguistic markers of national-cultural consciousness of linguo-cultural type; linguistic markers of national-cultural consciousness of linguo-ecological type.